

Дополнительным доводом может служить историко-литературная логика, согласно которой после Манилова мы встречаемся с Коробочкой. Если первый персонаж выражал «сладостный русский стиль», то второй – «салонную литературу», заключенную, словно в коробочке, в границах светских приличий, привычек, воззрений и т. д. [с. 131].

Среди портретов кисти Ореста Кипренского, помимо Жуковского, хорошо известны и портреты четы Ростопчиных. Графиня в чепце, с фланелью (или что там у нее?) на шее – как и гоголевская помещица... И все-таки как не усомниться: точно ли это Коробочка? [с. 131].
(Продолжение не следует)

Павел Михед (Нежин)

О ПОИСКАХ ГОГОЛЕВСКИХ ПРОТОТИПОВ

Попытки найти гоголевские прототипы «Мертвых душ» предпринимались многожды. Укажу в хронологической последовательности лишь на наиболее известные.

В 1964 г. иллюзию поиска прототипов посеял ни кто иной, как ак. Д. С. Лихачев. В статье «Социальные корни типа Манилова» он высказал предположение, что «маниловщина была в высшей степени свойственна лицемерному бюрократическому слою империи Николая I, и в первую очередь самому Николаю I». Правда, академик был осторожен: «Николай I, конечно, не был непосредственным прототипом Манилова (соблазн увидеть в Николае I прототип Манилова велик), но между ним и Маниловым намечается отчетливое типологическое сходство». (См.: Лихачев Д. С. Избранные работы в 3-х тт. – Л., 1967. – Т. 3. – С. 245–256). А дальше Д. С. Лихачев привел целый ряд любопытных фактов и доказательств, с жесткой логикой и ссылками на текст, без эзотерики и буйства фантазии. В результате автор обогатил наше знание о Николае I, Манилов остался Маниловым, а авторитетный ученый деликатно избежал соблазна «открытия».

В начале 90-х гг. в нескольких изданиях, в т.ч. и многотиражных, на сходство героев «Мертвых душ» и современных Гоголю писателей указал И. Виноградов (см. комментарии к 5-му тому Собрания соч. в 9-ти томах. – М., 1994. – С. 492–493, а также в ст. к изд. «Мертвых душ» в серии «Новая школьная библиотека». – М., 1995. – С. 23–32). Тираж последней – 30 тыс. экз. Адресуя свои мысли

школьникам, И. Виноградов заметил: «Характеристики пяти главных «строителей наших» – русских поэтов в данной статье («В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» – П. М.)» отчетливо напоминают типы, выведенные в образах пяти героев-помещиков первого тома «Мертвых душ». (См. И. Виноградов. «Дело, взятое из души...». В кн.: Н. В. Гоголь. Мертвые души. – М. 1995. – С. 24). Исследователь достаточно деликатно указывает на возможные параллели. Правда, говоря о паре Плюшкин-Пушкин, называет первого «пушкинским антиподом» (с. 30), что уже усложняет толкование этой параллели и делает ее сомнительной.

Проще и без затей двинулся на разгадку гоголевских тайн, не подозревая о знаниях российских школьников, член «клуба знатоков» Федор Двинятин (см.: Двинятин Ф. Н. Об одном возможном случае прототипического... // Текст и комментарий. Круглый стол к 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. – М., 2006. – С. 167–183). Впервые свои идеи Ф. Н. Двинятин изложил еще в 2000 году (см.: О литературском подтексте в характерологии первого тома «Мертвых душ» // Канадский колледж: сб. ст. к 5-летию со дня его основания. СПб., 2000. – С. 153–161).

В 1997 г. А. Карпов выдвинул предположение, что в иллюстрациях А. Агина, изображающих Ноздрева, угадывается портрет Н. Языкова, выполненный в 1829 г. А. Хрипковым (Карпов А. А. «Мы весело, мы шумно жили!» (Н. М. Языков и иллюстрации А. А. Агина к «Мертвым душам») // Пушкин и другие. – Новгород, 1997. – С. 247–256).

Как видим, не прошло и десяти лет со времени последнего «открытия», как за дело взялся А. Кораблев. По всему видно, сначала взялся, заявил во всеуслышание, а потом, поняв, что изобрел велосипед, кинулся во все тяжкие, предпринял даже атаку на предшественников, критически прокомментировав некоторые из суждений, высказанных более пятнадцати лет назад. Но сначала наш автор с характерным для него напором торжественно объявил: «...накануне (!) 200-летия писателя, сразу три исследователя (И. А. Виноградов, Ф. Н. Двинятин, А. А. Кораблев), независимо друг от друга (!), высказали гипотезу, в которой выразилось принципиально иное, концептуальное отношение к прототипам поэмы – осмысление их как часть замысла. В карикатурных образах помещиков, которых последовательно, от главы к главе, посещает Чичиков, им **померещились (!)** классики русской литературы» (Выделено мной – П. М.) [с. 117]. Даже уничижительно-ироническое «померещилось» (абсолютно адекватное по сути!) не спасает нашего автора.

Если 1994 год – это канун 200-летия, то зачем тогда арифметика? Об открытии А. А. Кораблева знали на момент его свершения миллионы российских школьников.

В заслугу нашему автору надо поставить то, что, несмотря на упоминание об эзотерике, автор все же не прибегает, как в предыдущих книгах, к услугам экстрасенсов. Да и потому только, видимо, что уверовал в собственный подобный талант. Но и гадания на словесной гуще, и жанр заговора, к которым обращается А. Кораблев в книге, способен подействовать только на несведущих, а среди них – на очень впечатлительных.

По большому счету, все искатели гоголевских прототипов недооценивают мощь гоголевского гения воссоздавать социально-психологические типы, обволакивая их «тиной мелочей», погружая обобщенную формулу в конкретику жизненных деталей, способных спрощенно описать самые разнообразные ассоциации. Гоголевские образы-помещиков – это художественное воплощение психофизиологических типов, которые как бы «исчерпывают» род людской, а каждый из них – это определенный «род людей известных под именем». Осталось только дать им имя. Их можно переносить в любую среду и любое время, подставляя любые фигуры в зависимости от фантазии и целей. В этом художественное открытие Гоголя, жизненность и бессмертие его типов. Но все это ... «можно извратить и всему можно дать дурной смысл, человек же на это способен. Но надобно смотреть на вещь в ее основании и на то, чем она должна быть, а не судить о ней по карикатуре, которую на нее сделали» (Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. – [М. ; Л.] : Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. VIII. – С. 268).

Очевидно, что все «открытия» прототипов останутся в истории гоголеведения забавными эпизодами. Такая судьба уготована и рецензируемому.